

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-793-808>

EDN: JGUISO

Научная статья / Research Article

Дискурсы о чуде: спектр позиций

Е.В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет,

Российская Федерация, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, д. 105

 elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено построению типологии дискурсов о чуде. Дискурсы трактуются в данном случае не в лингвистическом, а в философском смысле, как определенный «способ говорить» об избранном феномене. Это включает онтолого-мировоззренческую позицию говорящего (пишущего), эмоционально-ценностный пафос, коммуникативную установку или ее отсутствие, сообщение слушателю (читателю) конкретных взглядов и убеждений. Автор выделяет по мировоззренческому основанию три группы дискурсов: 1) чудо, понятое как сверхъестественное, но доступное для общения; 2) чудо, понятое как рукотворное, сугубо человеческое явление; 3) чудо как результат «двойственной детерминации», идущей и от трансцендентного, и от самого человека. Чудо изначально трактуется как явление позитивное, которое может быть описано и выражено в речи без прямого называния самого слова. В рамках первой группы дискурсов рассматриваются: религиозный (христианский), мифологический и сказочный дискурс, а также выделяется дискурс судьбинно-провиденциалистский. Второй подход, связанный с отрицанием сверхъестественного, говорит о чуде в контексте его научно-технического созидания, а также о надеждах на чудо в рамках прогрессистских и утопических концепций. Третий вид дискурсов, совмещающий взгляд на чудо как на идущее и свыше, и от самого человека, включает дискурсы мистико-магический, экзистенциальный и креативистский — трактующий тему творчества. Мистико-магический дискурс описывает чудо как результат озарения и как следствие упорных духовных исканий. В экзистенциальном дискурсе, представленном художественной прозой, есть место и для описания чуда как волшебной природы и волшебной судьбы. В творческом дискурсе чудом является сам акт рождения нового. Подводя итог сказанному, автор подчеркивает, что представляет читателям не более чем набросок, требующий дальнейшей работы и тематического раскрытия.

Ключевые слова: мировоззрение, типология, религия, миф, сказка, судьба, наука и техника, социальный прогресс, утопизм, мистика, магия, экзистенциальные переживания, творчество

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00254 «Религиозные и секулярные дискурсы о чуде». Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>.

© Баева Л.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 19.03.2023

Статья принята к публикации 26.06.2023

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В. Дискурсы о чуде: спектр позиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 793—808. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-793-808>

Discourses about Miracle: Spectrum of Positions

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University,
105 Bolshaya Sadovaya St., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation
elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract. The study is devoted to construct a typology of discourses about a miracle. Discourses are interpreted in this case not in a linguistic, but in a philosophical sense, as a certain “way of talking” about a chosen phenomenon. This includes the ontological and ideological position of the speaker (writer), emotional and value pathos, a communicative attitude or lack thereof, a message to the listener (reader) of specific views and beliefs. The author distinguishes three groups of discourses on the ideological basis: 1) a miracle, understood as supernatural, but accessible for communication; 2) a miracle understood as a man-made, purely human phenomenon; 3) a miracle as the result of a “dual determination” coming from both the transcendent and the person himself. The miracle is initially interpreted in the article as a positive phenomenon that can be described and expressed in speech without directly naming the word itself. Within the first group of discourses, the following are considered: religious (Christian), mythological and fairy-tale discourse, and the fate-providentialist discourse is also highlighted. The second approach, connected with the denial of the supernatural, speaks of a miracle in the context of its scientific and technical creation, as well as hopes for a miracle within the framework of progressive and utopian concepts. The third type of discourses, combining the view of a miracle as coming from above and from the person himself, includes mystical-magical, existential and creativistic discourses — interpreting the theme of creativity. The mystical-magical discourse describes a miracle as the result of illumination and as a consequence of persistent spiritual searches. In the existential discourse, represented by fiction, there is also a place for describing a miracle as a magical nature and a magical fate. In creative discourse, the miracle is the very act of the birth of a new one. Summing up what has been said, the author emphasizes that he presents readers with nothing more than a sketch that requires further work and thematic disclosure.

Keywords: worldview, typology, religion, myth, fairy tale, fate, science and technology, social progress, utopianism, mysticism, magic, existential experiences, creativity

Funding and Acknowledgement of Sources. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 23-28-00254 “Religious and secular discourses on the miracle”). Available from: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00254/>.

Article history:

The article was submitted on 19.03.2023

The article was accepted on 26.06.2023

For citation: Zolotukhina-Abolina EV. Discourses about Miracle: Spectrum of Positions. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(3):793—808. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-793-808>

Явления человеческой жизни, обозначаемые как «чудо», не относятся к категории повседневных событий, они представляются экстраординарными, из ряда вон выходящими, редкими и потрясающими Чудо — нечто невероятное, изумительное и всегда *позитивное*. Оно несет радость и счастье.

Чудо — прежде всего явление культурно-речевое и ментально-ценностное, мы узнаем о нем из чужих повествований или сами называем нечто чудом, то есть даем оценку, квалификацию, которую люди иного мировоззрения или других исторических эпох могут не разделять. В то же время, несмотря на свою житейскую редкость, слово «чудо» многопланово присутствует и в обыденной речи, и в литературных текстах, и в философских трактатах. Именно поэтому для философской мысли важно обратиться к тому, какой смысл представление о чуде приобретает в разных дискурсах, а также в различной нарративной практике. Чудо чуду рознь. Следует заметить, что наше маленькое исследование посвящено чуду именно в этом позитивном смысле, от которого происходят эпитеты «чудесный», «чудный», «чудотворный», оно исключает из рассмотрения «злые чудеса», приносящие гибель и разорение подобно тем, которые творит Воланд в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова и которые, согласно религиозному взгляду, способны творить бесы и прочие вредные сущности.

Несколько слов о подходе к анализу

Когда, обращаясь к *философской, теологической и психологической* литературе, мы находим тему *чуда*, то она не всегда выражена непосредственно самим этим словом. Нередко речь идет о *тайне* Бога и бытия, о судьбе, провидении, о любви и силе воображения, которые резко контрастируют с всем обыденным — понятным, известным и вызывающим скуку. Мыслитель бывает потрясен порой волшебной силой бессознательного, порой мощью интеллекта или взлетами креативности — они для него чудесны, необыкновенны, они — диво. Но неизменно присутствует нечто «высокое и глубокое», неожиданное и поразительное, небывалое. Когда же о чуде нам сообщают персонажи или автор *художественного текста*, мы можем вновь не найти слова «чудо», но найти описание восторга и выражения типа «Невероятное свершилось!». Будем учитывать эту особенность дискурсов о чуде. В подобном *косвенном* говорении можно отметить два варианта: в одном случае (и это часто аналитические и описательные тексты) речь идет о «*чуде реальности*», в другом (и это повествования, нарративы) речь идет о «*чуде событий*». Хотя, конечно, выраженной границы между этими вариантами нет, ибо «чудесные события» могут проистекать лишь из «чудесной реальности». При этом практически всегда в возвышенно-романтических текстах о чуде

имеется в виду его *сверхразумность*, возвышение над рассудком, над умением объяснять и доказывать. Говоря о «дискурсах о чуде», мы будем руководствоваться этим соображением.

Косвенный разговор о «чуде реальности» ведут многие философы, усматривая чудесность в сотворении мира и человека, в воскресении Христа, в свободе, в мощи созидания, в духовных экстазах и прозрениях — в счастли-вом рывке за пределы привычного и предсказуемого. Темой чуда исполнены труды таких известных авторов К.-Г. Юнг, К.-С. Льюис, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, А.Ф. Лосев, С.Л. Франк, Ч. Тейлор, В. Франкл и др.

Исследования чуда как феномена культуры присутствуют, хоть и в не-больших масштабах, в современной отечественной мысли. Они представлены именами таких авторов как Е.М. Абышева [1], С.С. Александров [2], С.Н. Астапов [3], К.Н. Плужникова [4], А.Г. Садыкова [5], И.А. Статкевич [6], Е.С. Степанова [7], К.Г. Фрумкин [8], В.В. Яковлев [9] и др. Ярким, последо-вательным и развернутым является философский анализ, проведенный А.Г. Садыковой, и жаль, что после защиты кандидатской не появились ее дальнейшие работы по теме. По крайней мере, их весьма затруднительно найти.

Ставя задачей статьи рассмотрение дискурсов о чуде, мы прибегаем к дискурс-анализу. Однако поскольку представляемое читателю размышление является *не лингвистическим, а философским*, то и подход к такому анализу иной, чем в лингвистике. Собственно, дискурс — это просто *способ говорить* (писать), также как нарратив — это *способ рассказывать истории*. И если нарративный анализ означает выяснение вопросов о том, кто, кому, что и за-чем повествует (ибо нарратив — это рассказ о событиях), то к пониманию дискурса в данном случае относятся ответы на вопросы: Каковы смыслы упо-требляемых слов (понятий)? Каковы мировоззренческие истоки суждений в тексте? Какие ценности текст проповедует и вменяет читателю (слушателю)? Вокруг каких явных и неявных предпосылок строится предлагаемое рассу-ждение? Какую модель мира формирует данный дискурс? Что текст рекомен-дует читателю?

Так, например, разговор о человеческом теле по-разному строится в дискурсе науки физиологии, в теологическом трактате, в эротическом романе, в пояснительных замечаниях к физкультурному тренажеру и в фило-софско-психологическом эссе. То же касается темы чуда.

Опираясь на такого рода методологический подход, я полагаю возмож-ным выделить как минимум три *вида дискурса о чуде, различающиеся по своим мировоззренческим, онтологическим предпосылкам*. Первый дискурс предполагает разговор о чуде как о феномене решительно сверхъестествен-ном и в принципе непознаваемом, хотя благом, прекрасном и не исключая-щем коммуникацию. *Второй вид дискурса* рассматривает чудо как явление собственно-культурное и вполне рукотворное: «Чудеса мы умеем делать сами!» *Третий вид дискурса* предполагает возможность одновременно

первого и второго варианта, и их совмещение в разных пропорциях. Все поименованные виды дискурса могут включать как интеллектуальные размышления о «чуде реальности», так и описания «чудесных событий», вызывающих «чудесные переживания» (порой, как мы уже заметили, без упоминания самого слова «чудо»).

Чудо как сверхъестественное, но не чуждое

Первая группа родственных дискурсов отталкивается от представления о том, что чудо всегда исходит от некоей внечеловеческой и надчеловеческой реальности, стоящей у истоков всего земного. Исторически в рамках *религиозного мировосприятия* чудесными именовались моменты «вторжения Бога в мир», раскрытия метафизических бездн, как и счастливые спасения, воскрешения, вознесения на вершину славы или победы, которые до того вовсе не ожидались. Человек с его волей и инициативами не имеет к чуду никакого отношения. Трансцендентность чудесного — мировоззренческая предпосылка этого видения. Чудо здесь — внезапный прерыв порядка обыденной эмпирической жизни, о котором страстно молили, но, возможно, и вовсе не прошенный, но вдруг счастливо возникший. В рамках такого подхода вполне естественно интересоваться вопросами, *от кого или от чего* именно исходит чудо, что за субъекты его порождают, каковы их имена, можно ли установить с ними контакт и, хотя всякое чудо уникально, нельзя ли, чтобы прекрасные чудеса повторялись? Подчеркнем, что при принятии положения о доминирующей над людьми надчеловеческой реальности она, как правило, видится иерархической и структурированной.

Тема чуда как непостижимого и в то же время доступного для приобщения к нему издревле разрабатывается в христианстве, так она трактуется там и сегодня. Но, быть может, особенно выразительно этот сюжет «доступности недоступного» представлен в *христианстве средневековом*. Об этом хорошо писали авторы исторической школы Анналов. Так, Жак ле Гофф говорит: «Чудесное является порождением сверхъестественных сил или существ, многообразии которых поистине неисчислимо. Об этом свидетельствуют различные средневековые чудеса (*mirabilia*). Чудесное включает в свою сферу не только мир предметов, мир всевозможных действий, но и те многочисленные силы, что за ними стоят. Таким образом, у чудесного в христианстве и у христианского чуда имеется автор; но автор может быть только один — Бог; отсюда встает вопрос о месте чудесного не только в религии как таковой, но прежде всего в религии монотеистической» [10. С. 46].

То есть, при наличии ангелов и архангелов, сил, властей и господств, а также — не упустим это из виду! — дьявола и бесовских легионов, тоже способных на волшебство и колдовство, у подлинного чуда есть только один источник — верховное начало, Предвечный. Тема чуда в средневековом восприятии предполагает возможность просить Бога о чуде и надеяться на него. Отечественный автор А.Я. Гуревич подчеркивал тесную связь

и коммуникацию обыденного и чудесного для средневековых христиан: «Перед нами обыденный земной мир, точнее, незначительный, казалось бы, его фрагмент — монастырь, монашеская келья, церковь, рыцарский замок, дом горожанина, деревня, а то и просто дорога или лес, и в этом малом уголке умещаются один-два, самое большее, несколько персонажей. Но в это земное пространство вторгаются из мира иного Христос, Богоматерь, святые, умершие, которые сохраняют связи с миром живых и заинтересованы в его делах, бесы и даже сам Сатана» [11. С. 19].

И все же для христианского сознания чудо в определенном смысле «более чудесно», чем для, к примеру, *античного мифологического сознания*, где связь между олимпийскими богами и людьми столь тесная, что они ссорятся, мирятся, конкурируют и дерутся друг с другом. Чудеса мифологии совсем тесно переплетаются с повседневностью и, собственно, разница между людьми и богами состоит лишь в различии возможностей (боги творят чудеса, а люди — нет) и в бессмертии: боги бессмертны, хотя, как и люди, они подчинены судьбе.

И мифологический, и монотеистический дискурсы о чуде дополняются *дискурсом сказочным*, в рамках которого происходит множество чудес. В народных сказках не идет речь о Боге, но всегда имеется в виду сложность и многоплановость мира, где над человеком способны властвовать разные надприродные силы и те духи, которые выражают суть самой природы. В отличие от мифа сказка, «хоть в ней и намек, добрым молодцам урок», все-таки заведомая ложь, поэтому сказочное чудо условно, это чудо развлекательное, повествуемое для забавы. Исследователи сказок могут вообще не пользоваться словом «чудо», хотя в анализируемом тексте может встречаться множество чудес. Так, В.Я. Пропп в «Морфологии волшебной сказки» упоминает слово «чудо» только один раз, да и то в имени «Чудо-юдо» [12. С. 49]. И если монотеистический христианский дискурс предполагает у индивида не действие, а просьбу — молитву и мольбу о благом чуде, то мифы и сказки располагают своих персонажей скорее к активной позиции внутри свойственного им волшебного хронотопа: в мифе у богов можно украсть огонь и сделать чудо своим, а в сказке можно и должно найти волшебное средство и волшебного помощника, которые обеспечат необходимые добрые чудеса.

Еще один дискурс разговора о «категорически нерукотворном чуде» мы встречаем, когда речь идет о судьбе и провидении. Условно такой дискурс можно назвать *судьбинно-провиденциалистским*. Здесь можно даже не спрашивать о мировоззренческих убеждениях человека, он может не быть христианином и вообще не отягощать себя онтологическими вопросами, это скорее всего род фатализма, при котором все, что происходит, в том числе поистине чудесные спасения или излечения, неожиданные подъемы на вершину карьеры или славы толкуются как «голос судьбы». Провидение способно на любые чудеса, превышающие понимание человека: «чему быть,

того не миновать». Чуду стоит радоваться, но абсурдно пытаться понять его причины и корни. Это касается чудес, происходящих как в жизни отдельного человека, так, возможно, и в истории стран и народов.

Рукотворное чудо

Слово «чудо» в течение столетий употреблялось не только для обозначения внезапных благих событий, но и для характеристики великих достижений человеческой деятельности, изумляющих своей необычностью, грандиозностью и высокой полезностью. Это были чудеса, рожденные практической активностью человека, богатством его воображения, организационными умениями и деловой хваткой. В древнем мире такими чудесами назывались пирамида Хеопса, «висячие сады» Семирамиды, статуя Зевса Олимпийского, храм Артемиды в Эфесе, мавзолей в Галикарнасе, Колосс Родосский и маяк на о. Фарос в Александрии. Подобные сооружения потрясали и вызывали преклонение перед гением человечества. Однако в древности техника и технологии развивались медленно и сотворение подобным чудес было делом нечастым. Бурное *развитие науки и техники* в европейской культуре, начиная с XVI в., очень скоро поставили на поток новые открытия и изобретения, которые, конечно, не всегда были внешне грандиозны, зато обеспечивали людям такие новые возможности, о которых они прежде и мечтать не могли.

Научно-технические чудеса в XX в. стали возникать регулярно, но всякий раз заново поражали. Как ни парадоксально, в своих истоках они были и остались связаны с *магией* — умении тайном и доступном лишь избранным. Научно-технический и магический дискурс родственны, и современный ученый — это более приземленный вариант мага, владеющего вполне эзотерическими знаниями для сотворения чуда. Недаром в XX в. футуролог и фантаст Артур Кларк в своей книге «Черты будущего» сформулировал тезис, гласивший «Достаточно развитая технология неотличима от магии». Чудесами и нынче называют уже наличные эффективные изобретения и те, которые находятся в состоянии проектирования и разработки — Hi-Tech. Е.А. Жукова, автор статьи «Высокие технологии: между наукой и чудом» справедливо вопрошает: «Показательно, что с термином Hi-Tech сегодня часто могут употребляться такие метафоры, как «технологическое чудо», «чудесная технология», «чудо-технология», «чудо высоких технологий» и т. п. Подобные словосочетания по сути представляют собой абсурд, потому что технология по определению основывается на знании и использовании определенных законов природы и никак не связана с проявлениями сверхъестественного. Почему же все-таки мы постоянно сталкиваемся с восприятием высоких технологий как чуда, причем в буквальном, а не только в переносном смысле?» И сама отвечает: «Развитие техники и технологий сопровождалось тем, что технические новинки часто воспринимались как «чудеса» именно в силу того, что для массового сознания они выступали или

как непонятные, или как уникальные явления, вызывающие либо восхищение, либо страх» [13].

«Массовый человек» — всегда только «пользователь», он не знает как устроены поражающие фантазию научно-технические новинки. Так, на просторах сетей можно найти разные перечисления технологических чудес — iPod, международную космическую станцию, а также Космический телескоп Хаббл, Linux, лазеры, компьютер и сам Интернет [14]. Можно к этому добавить, к примеру, еще адронный коллайдер. Хотя не менее интересно и «обытовление» уже упомянутых и иных чудес, их вхождение в быт и обиход. Об этом хорошо говорит Э. Муртазин: «Технологии превратились из чуда в повседневную штуку, и дети удивляются, когда этого чуда не случается. Дочка моего друга несколько лет назад подошла к окну и попыталась привычным жестом приблизить кораблик на рейде, она хотела его приблизить! Девочка в три года не могла взять в толк, почему окно не работает как планшет. Дайте время, и это изменится, наши окна станут «умными», смогут сами регулировать световой поток и то, как мы смотрим на мир» [15]. Здесь важен тот момент, что обыденностью становятся явления, которые еще вчера однозначно понимались как чудо. Путь *persona activa* — «человека деятельного» — это путь сотворения чудес, которые входят в жизнь, становясь гаджетами и девайсами.

Полнейшее слияние представления о чудесном и обыденном мы видим в концепции *трансгуманизма*, намеренного превратить человека усилиями науки и технологии в сверхчеловеческое существо. Здесь чудо вообще исчезает как своего рода *редкость*, оно становится предсказуемым и повторяющимся, запланированным результатом целенаправленного усилия, потому уже не изумляет и не восхищает, хотя, вероятно, и радуется.

Разумеется, рукотворные, созданные людьми чудеса, использующие потенциал природы и ее законы, это единственные чудеса для *материалистического философского сознания*. Убежденные материалисты чаще всего выступают также как убежденные *рационалисты*, полагающие, что познать раньше или позже можно абсолютно все, поэтому последовательному материализму чуждо умиление перед иррациональными чудесами религии и мистицизма. Как нам известно, материализм, особенно в его просветительском и марксистском исполнении, тесно связан с *идеями прогресса*, как социального, так и познавательного: в перспективе все доселе темные для нас должны быть поняты и раскрыты, их внутренний механизм обнаружен и применен опять-таки в технологиях — если не инженерных, то социальных. Говорить о чуде в социально-материалистическом, например, экономическом дискурсе стоит лишь в метафорическом смысле: для того, чтобы чудо разгадать, уяснить его механизмы и воспользоваться им для собственного процветания. Так говорят о «Японском», «Китайском» или «Американском» чуде социального развития, рецепты создания которого можно позаимствовать, модернизовав соответственно собственным экономическим и культурным условиям.

Можно также сказать, что мировое коммунистическое движение, столь характерное для XX века, фактически ориентировалось на *созидание «чуда коммунистического общества»*. Его дискурс можно назвать сколь материалистическим, столь и *утопическим*, как ни странно, материализм и утопизм не противоречат друг другу и не раз в истории культуры вступают в долговременный альянс. Конечно, коммунистическое общество чудесно, потому что оно справедливо, в нем нет эксплуатации, оно созидает огромное количество богатств, которых хватает на удовлетворение растущих потребностей каждого члена общества. И это чудо, которому пока не соответствует ничто на земле, не просто сваливается с небес, а зарабатывается кровью и потом поколений, большими жертвами отцов и дедов, создающих условия для рождения чудесного нового мира, подлинной истории человечества, так не похожей на его долгую «предысторию».

Архетипические образы рая и счастья, несомненно, лежали в основе коммунистической идеологии, дававшей смысл жизни целому ряду поколений: ведь это честь и гордость — самим создавать чудо, какого раньше не видел свет: «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и не герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!» Сама идея, выраженная в словах «Интернационала» — «кто был ничем, тот станет всем» — это идея *чуда*, волшебного превращения, таинственной трансформации, невероятного возвышения: от «ничто» — ко «всему». Очень важно также, что загадочная справедливость, которая для идеалистической мысли выражена в Провидении, превышающем человеческое разумение о должном и недолжном, здесь тоже отдана в руки народа и его руководящей партии, которые чудо справедливости вершат сами.

Реальный социализм потерпел крах не только потому, что против него очерилась немалая часть мира, но и потому, что *чуда* все-таки не произошло. Он потерпел крах от массового разочарования, какое на самом деле грозит и современным поборникам технико-технологического *чуда*.

Чудо «двойственной детерминации»

Существует целый ряд дискурсов, связанных тем, что явление *чуда* понимается в них как феномен двойственной природы — происходящее в равной степени и от высших инстанций бытия — Бога, Провидения, надэмпирической реальности, — и от самого человека как от существа вполне конкретного, земного, ограниченного, но все же наделенного мощными духовными потенциями. «Чудеса двойственной природы» выводят индивида в необычные паранормальные состояния, которые являются прямым переживанием счастливой *трансформации и себя, и всего, то вокруг*. Вообще-то, в этих состояниях, по сути, снимается двойственность субъекта и объекта, человека и мира, хотя до определенной степени остается различие себя и другого, Я и Ты. Подобные переживания нередко называют высшими, порой «измененными» состояниями сознания, иногда, как у А. Маслоу, «пиковыми переживаниями».

Чудо нового счастливого мировосприятия, контрастирующего со свойственной многим тоской обыденщины, строится, проистекая и от трансцендентного, и от самого человека. Такой взгляд мы можем найти у знаменитых духовидцев. Так, «один из основных принципов, которых придерживался Сведенборг, состоял в том, что наша вселенная постоянно создается и удерживается с помощью двух волновых потоков: один исходит с неба, другой приходит из нашей собственной души, или духа» [16. С. 294].

Здесь в первых рядах следует назвать фактически уже упомянутый нами мистико-магический дискурс, который тесно связан с описаниями чудесных состояний. Они могут посетить индивида как без его особого приглашения, так и стать результатом упорного поиска и многолетних практик. В ряде случаев человек попадает в чудесное измерение бытия внезапно и «видит, что жизнь в человеке вечна, как и всякая жизнь вечна; что душа человека также бессмертна, как Бог; что Вселенная так устроена и упорядочена, что все вещи, вне всякого сомнения, работают совместно во благо все других и каждой в отдельности; что основополагающим принципом в мире является то, что мы называем любовью, и что счастье каждой индивидуальности по большому счету абсолютно обеспечено» [17. С. 41].

Но обретение чуда может быть и не внезапным, а следствием долгих молитв и медитаций, аскетического образа жизни, физических и духовных упражнений, страстного стремления приобщиться к чуду. Магические действия, если таковые имеют место, — это тоже яркое проявление именно человеческой активности, обращенной к миру духов и ждущей от него адекватного ответа.

Другой дискурс, видящий истоки чуда и в трансцендентном, и в собственно-человеческом, — это *дискурс экзистенциальный*, присущий как философии во всех ее жанрах, так и художественной литературе. Как не вспомнить здесь пушкинское:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты»

В экзистенциальном дискурсе на одно из первых мест в иерархии чудес выходит *любовь*, чудесная чужая субъективность, волшебное другое «я», от которого ждут и благосклонности, и взаимности, и упоения. Прекрасно описывает чудо любви С.Л. Франк: «Любовь по своему существу не есть просто «чувство», эмоциональное отношение к другому; первичный смысл феномена любви состоит в том, что она есть актуализованное, завершенное трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей реальности, открытие и усмотрение «ты» как такого рода реальности и обретение в нем онтологической опорной точки для меня. Недостижимое оказывается здесь осуществленным, здесь я действительно «вылезаю из своей собственной кожи»; непосредственное самобытие, не теряя своего по

существо единственного центра, становится все же подлинно двуцентричным — наряду с средоточием «я» непосредственное бытие обладает средоточием «ты» как своей собственной опорной точкой» [18. С. 374—375]. Здесь, как мы видим, есть и восхищение, и высочайшая оценка «события любви», и признание этого чуда непостижимым, хотя и переживаемым. Совсем иначе, скорее с акцентом на внешнем, чем на внутреннем, говорит о любви и влюбленности Р. Барт. Однако в его речи тоже присутствует внезапно нагрянувшее чудо: «Любовное восхищение — это какой-то гипноз: я очарован образом. Сначала потрясен, наэлектризован, сдвинут с места, опрокинут, “ударен электрическим скатом”...» [19. С. 109].

Сама будучи чудом, любовь способна совершать чудеса — побеждать смерть, одолевая зло, возрождать человеческую душу, охваченную безразличием. Все это мы находим и в сказках Г.-Х. Андерсена, и в произведениях Ф. Бернетт, и в пьесах Е. Шварца, и в эпосе Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Интересно, что экзистенциальный дискурс, включающий любовь как главное чудо, это нередко сказочно-романтический дискурс, в котором писатель призывает читателя любить и даже жертвовать собой для того, чтобы действительность явилась как чудо.

Впрочем, в экзистенциальном дискурсе, представленном художественной прозой, есть место и для описания чуда как волшебной природы и волшебной судьбы (К. Паустовский), как чуда самой жизни — огромного пути, который надо пройти (Р. Бредбери), как колдовской глубины, которой обладает чужой взгляд, дождь на улице и даже жареная картошка с селедкой (Т. Устинова). Чудо, усматриваемое в глубине повседневности, это вне всяких сомнений «чудо двойственной природы»: здесь присутствует и человек-субъект и то высшее, что светится через обычные вещи и обстоятельства.

Еще один интересный и богатый дискурс, включающий тему чуда и чудесного, это дискурс *творчества*. Творчество — рождение нового, создание и изобретение таких разнообразных артефактов, которых прежде не было, которые во всяком случае незнакомы тем людям, что живут сегодня (хотя порой, конечно, бывает, что новое — это хорошо забытое старое).

Творчество чудесно потому, что оно непредсказуемо и не поддается рассудку, выходит за рамки любых нормативов, схем и лекал. Можно сколько угодно говорить о «развитии креативности» и даже проводить соответствующие тренинги, но открытие и изобретение возникают не у всех, кто тренировался, а, быть может, и вовсе у других людей, которые, конечно, много думали над проблемой, если речь идет о науке, или сильно чувствовали, если дело касается искусства. То есть это некий неконтролируемый скачок, прерывающий предыдущую постепенность, потрясающее обнаружение нового мира, открытие иного видения, восторг и радость, которые сопровождают знаменитое «эврика!» Для творчества необходимо вдохновение, которое часто понимается как нечто «данное свыше», даруемое богами, нашептанное музами. В чуде творчества как бы сплетаются трансцендентные и земные

импульсы, ведущие личность к творческому акту, который всегда в чем-то подобен Божественному творению. В творческом процессе еще ярче проявляется момент, в сущности, характерный для человеческого мышления вообще — то, что мысль *просто приходит*, чудесным образом возникает словно бы ниоткуда.

В текстах основоположника гуманистической психологии А. Маслоу можно найти изложение характеристик высших состояний, одним из которых он считает творчество. То описание, которое он дает, рисует для нас поистине картину чуда, необыкновенную реальность, в которой оказывается человек, будь то поэт, ученый или изобретатель, погруженный в творчество. И первый момент, который Маслоу отмечает, это «остановка времени», растворение в настоящем, выход за пределы обыденных мерных характеристик. «Вопрос, который сейчас занимает мое внимание, — пишет автор, — заключается в том, что, по моим наблюдениям, творческий человек в минуты вдохновения, в инспирационную фазу творчества, забывает о прошлом и будущем и живет только настоящим. Он с головой уходит в то, что он делает, он поглощен, он захвачен моментом творчества, он весь “здесь и сейчас”» [20. С. 73]. Оказаться вне времени, несомненно, чудесно...

Маслоу видит творчество как мистическое состояние, связанное с трансценденцией и потерей Эго. Для творящего, для активного креатора исчезает и прошлое, и будущее, для него миг и вечность сливаются воедино. Но по Маслоу творческое состояние обладает еще рядом необычайных характеристик. Это наивность восприятия, когда человек «чувствует сердцем» то, чем он занят, самозабвение и минимизация самоконтроля, способного помешать углублению в предмет. Это также отказ от страха и тревоги, отключение защитных механизмов и самоограничения, это усиление доверия к материалу своей работы, отказ от предубеждений, позитивная установка к принятию нового и тонкая восприимчивость.

Маслоу также находит в продуктивном творческом процессе спонтанность, эстетическое мировосприятие и полное самоосуществление индивид-творца. Если вдуматься в то, что пишет психолог, то оказывается, что речь идет о чудесном превращении обычного человека, живущего в повседневности, возможно, эгоистичного и нередко унылого, а порой пьющего и буяна, в креативное надвременное существо, радостно и чутко обращенное к миру и испытывающее богоподобный экстаз успешного созидания или открытия.

Кроме того, творчество чудесным образом превращает ничем не примечательные вещи обыденной жизни в образы и символы, полные глубокого смысла. Как писала Анна Ахматова:

«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда».

То есть чудо происходит дважды: во-первых, возникает в виде артефакта чудесная реальность — художественная, поэтическая, сфера новых знаний и новых изобретений, а во-вторых, преобразуется сам творец, превосходящий в период своей работы пространство и время, сбрасывающий любые оковы и даже попирающий саму смерть.

Тексты, связанные с творчеством, насыщены размышлениями о его чудесных и чудодейственных возможностях, и являются отдельной большой темой для разговора.

Заключение

Задаваясь целью обрисовать спектр дискурсов, которые включают слово «чудо» и описание чудесных проявлений мира и души, я понимала, что это невозможно сделать в одной статье. Предложенный читателю очерк — лишь набросок обширной проблематики. Тем не менее, мы отметили, что феномен чуда может быть как прямо назван, так и описан через указание на его редкость, неожиданность и внезапность, а также благотворность для человека. Как правило, здесь употребляются превосходные степени, означающие сильное удивление, восторг, экстаз, радость. Стремясь выявить различные типы дискурсов, мы указали на наличие или отсутствие связи чуда с трансцендентным. Разговор в рамках религиозного и идеалистического видения идет вокруг чуда как проявления сверхъестественного, хотя оно обнаруживает себя не как чуждое человеку, а способное отвечать на его просьбы и обращения. Секуляризация, характерная для XX в., выдвигает на первый план другое понимание чуда — как результата активной человеческой деятельности в технической и социальной сфере, как такое чудо, которое уже не зависит от иномирного, но творится силами самого человека. Важно, что в данном случае плоды человеческого творчества поражают воображение и являются чудом с точки зрения предыдущего периода развития. Наконец, третий дискурс совмещает в себе представление о роли высших сил и самого человека в появлении чуда: для возникновения переживаний чудесного необходимы как «импульсы свыше», так и стремление самих людей. Внутри каждого вида дискурсов можно выделить их разнообразные варианты, которые кратко рассмотрены в статье, но каждый из которых может быть проанализирован гораздо подробнее. И хотя об актуальности темы обычно говорят в самом начале изложения, я хотела бы завершить предлагаемый читателю анализ утверждением того, что о чуде стоит писать, во-первых, потому, что словом «чудесное» обозначается то лучшее, что бывает у людей, чего они желают для себя, а во-вторых, потому что это «чудесное» имеет очень разный смысл, и, касаясь темы чуда, мы должны понимать друг друга.

Список литературы

- [1] *Абышева Е.М.* Концептуальные инверсии концепта «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок) [Интернет]. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003452613/ (дата обращения: 04.03.2023).

- [2] Александров С.С. Чудо в древнерусских воинских повестях XIV-XV веков // Известия Саратовского университета Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 1. С. 35—39. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-35-39>
- [3] Астанов С.Н. Личностно-символическая концепция чуда в философии А.Ф. Loseva // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. [Интернет]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-simvolicheskaya-kontseptsiya-chuda-v-filosofii-a-f-loseva> (дата обращения: 01.03.2023).
- [4] Плужникова К.Н. Эволюция поэтики чуда в творчестве Габриэля Гарсиа Маркеса в 1990—2000-х гг. [диссертация]. [Интернет]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-poetiki-chuda-v-tvorchestve-gabrielya-garsia-markesa-v-1990-2000-kh-gg/read> (дата обращения: 05.03.2023).
- [5] Садыкова А.Г. Категория реального, или естественного, чуда: проблема философской интерпретации. Уфа : РИО БашГУ [Интернет]. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002823053> (дата обращения: 04.03.2023).
- [6] Статкевич И.А. Феномен чудесного исцеления: миф, реальность, причинность (Философский анализ): дисс. ... канд. фил. наук. Чебоксары, 2002. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_374021/ (дата обращения: 04.03.2023).
- [7] Степанова Е.С. Мифы о чудесных исцелениях: лингвистические и аксиологические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 24—32. <https://doi.org/10.18384/2310-712x-2022-1-24-32>
- [8] Фрумкин К.Г. Теории чуда в эпоху науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. Vol. 5. N 3. P. 153—172. <https://doi.org/10.5840/eps20055338>
- [9] Яковлев В.В. Чудеса в истолковании Г.В. Лейбница: к вопросу о своеобразии концепции // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 1. С. 33—39.
- [10] Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого М. : Изд. группа «Прогресс», 2001.
- [11] Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М. : Искусство, 1989.
- [12] Пропн В.Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001.
- [13] Жукова Е.А. Высокие технологии: между наукой и чудом // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Т. 5. № 120. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokie-tehnologii-mezhdu-naukoy-i-chudom> (дата обращения: 01.03.2023)
- [14] Хель И. Семь чудес мира технологий [Интернет]. 08.06.2014. Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/sem-chudes-mira-technologij.html> (дата обращения: 05.03.2023)
- [15] Муртазин Э. Привычные чудеса технологий в повседневной жизни // Mobile review [Интернет]. 04.02.2021. Режим доступа: <https://mobile-review.com/all/articles/misc/privychnye-chudesa-tehnologij-v-povsednevnoj-zhizni/> (дата обращения: 05.03.2023).
- [16] Талбот М. Голографическая вселенная. М. : София, 2004.
- [17] Бёкк Р. От Самости к Космическому сознанию // Уайт Дж. Что такое просветление. М. : АСТ, Издательство Института трансперсональной психологии, Изд. Кравчука, 2004. С. 30—47.
- [18] Франк С.Л. Непостижимое // Сочинения М. : Правда, 1990. С. 183—559.
- [19] Барт Р. Фрагменты речи влюбленного М. : Ad marginem, 1999.
- [20] Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб. : Евразия, 1997.

References

- [1] Abyshva EM. *Conceptual inversions of the "miracle" concept (based on Russian and Irish proverbs, sayings)* [Internet]. Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003452613/ (accessed: 04.03.2023). (In Russian).
- [2] Aleksandrov SS. A miracle in the Old Russian military stories of the XIV—XV centuries. *Izvestija Saratovskogo universiteta Ser. Filologija. Zhurnalistika*. 2018;18(1):35—39. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-35-39>
- [3] Astapov SN. Personalist and symbolic conception of a miracle in A.F. Losev's philosophy. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2015;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-simvolicheskaya-kontseptsiya-chuda-v-filosofii-a-f-loseva> (accessed: 01.03.2023). (In Russian).
- [4] Pluzhnikova KN. The evolution of the Poetics of the miracle in the work of Gabriel Garcia Marquez in the 1990—2000s [dissertation]. [Internet]. Available from: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-poetiki-chuda-v-tvorchestve-gabrielya-garsia-markesa-v-1990-2000-kh-gg/read/> (accessed: 05.03.2023). (In Russian).
- [5] Sadykova AG. The category of a real, or natural, miracle: the problem of philosophical interpretation. Ufa: RIO BashGU [Internet]. Available from: <https://search.rsl.ru/record/01002823053/> (accessed: 04.03.2023). (In Russian).
- [6] Statkevich IA. The phenomenon of miraculous healing: myth, reality, causality (Philosophical analysis) [dissertation]. Cheboksary, 2002. [Internet]. Available from: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_374021/ (accessed: 04.03.2023). (In Russian).
- [7] Stepanova ES. Myths about miraculous healings: linguistic and axiological aspects. *Bulletin of the Moscow State Regional University (Linguistics)*. 2022;(1):24—32. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-712x-2022-1-24-32>
- [8] Frumkin KG. Miracle theories in the Age of Science. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2005;5(3):153—172. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20055338>
- [9] Jakovlev VV. Miracles in the Interpretation of G.V. Leibniz: on the question of the uniqueness of the concept. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2012;(1):33—39. (In Russian).
- [10] Le Goff Zh. *The medieval imagination*. Moscow: Izd. gruppa «Progress» publ.; 2001. (In Russian).
- [11] Gurevich AJa. *Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries*. Moscow: Iskustvo publ.; 1989. (In Russian).
- [12] Propp VJa. *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labirint publ.; 2001. (In Russian).
- [13] Zhukova EA. High technology: between Science and Miracle. *TSPU Bulletin*. 2012;5(120). [Internet]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysokie-tehnologii-mezhdu-naukoy-i-chudom> (accessed: 01.03.2023). (In Russian).
- [14] Hel' I. Seven wonders of the world of technology [Internet]. 08.06.2014. Available from: <https://hi-news.ru/technology/sem-chudes-mira-technologij.html> (accessed: 05.03.2023). (In Russian).
- [15] Murtazin Je. The familiar wonders of technology in everyday life. *Mobile review*. [Internet]. 04.02.2021. Available from: <https://mobile-review.com/all/articles/misc/privychnye-chudesa-tehnologij-v-povsednevnoj-zhizni/> (accessed: 05.03.2023). (In Russian).
- [16] Talbot M. *Holographic universe*. Moscow: Sofiya publ.; 2004. (In Russian).

- [17] Bjokk R. *From Self to Cosmic Consciousness*. In: White J. *What is enlightenment*. Moscow: AST publ., Izdatel'stvo Instituta transpersonal'noi psikhologii publ., Izd. Kravchuka publ.; 2004. P. 30—47. (In Russian).
- [18] Frank SL. *The Incomprehensible*. In: *Works*. Moscow: Pravda publ.; 1990. P. 183—559. (In Russian).
- [19] Bart R. *Fragments of a lover's speech*. Moscow: Ad marginem publ.; 1999. (In Russian).
- [20] Maslou A. *The farther reaches of human nature*. Saint Petersburg: Evraziya publ.; 1997. (In Russian).

Сведения об авторе:

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5954-2758

About the author:

Zolotukhina-Abolina Elena V. — PhD in Philosophy, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5954-2758